

Л. М. Лопатин

**Вопросы философии и
психологии**

Книга 137-138.

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Л11

Л11 **Л. М. Лопатин**
Вопросы философии и психологии: Книга 137-138. / Л. М. Лопатин – М.:
Книга по Требованию, 2012. – 301 с.

ISBN 978-5-458-04784-5

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04784-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Ученіе Гегеля о свободной волѣ.

I.

Свобода.

Философское ученіе Гегеля, взятое въ цѣломъ, можетъ быть изображено, какъ *ученіе о Божіей свободѣ*, ибо къ этому содержанію дѣйствительно сводится все, что онъ видѣлъ и чему онъ училъ. Его философія пытается адекватно раскрыть *сущность* Божію — и устанавливаетъ, что эта сущность въ *свободѣ*; она пытается изобразить *путь* Божіей жизни, — и обнаруживаетъ, что этотъ путь есть *самоосвобожденіе*; она стремится постигнуть смыслъ *человѣческой жизни* и утверждаетъ, что человѣкъ и его духъ, его дѣла, его нравственность, его исторія и его смерть — все это образуетъ лишь высшій этапъ *самоосвобожденія Божія*. Свобода есть первое и послѣднее; исходъ всего и увѣнчаніе. Свобода есть *essentiale* Божества и критерій реальности; все *черезъ нее* и *ради нея*. Въ чемъ же ея природа?

Малѣйшая неясность и недоговоренность въ опредѣленіи „свободы“ оказывается пагубной для вѣрнаго пониманія философіи Гегеля. Терминомъ „свободы“ такъ часто пользовались и злоупотребляли въ исторіи мысли, съ нимъ связывали столь различныя значенія, его столько разъ дѣлали лозунгомъ въ практической борьбѣ, что *разумное содержаніе*, скрывающееся за нимъ, кажется совершенно исчезнувшимъ и уступившимъ свое мѣсто аффективно переживаемой не-

опредѣленности. Такъ было уже въ эпоху Гегеля; и нужна была вся сила его интуитивнаго видѣнія для того, чтобы возродить положительное, разумное содержаніе этого термина.

Сущность Божія—въ свободѣ, ибо свобода есть *самоопредѣленіе*. Богъ есть субстанція, единая и единственная реальность. Если бы, помимо Бога, была еще иная субстанція, то каждая изъ двухъ субстанцій *ограничивала и опредѣляла бы* другую однимъ своимъ бытіемъ; это значить, что каждая была бы опредѣлена другою и, тѣмъ самымъ, *не была бы субстанціей*; ибо субстанція есть бытіе, *ничѣмъ инымъ не опредѣленное и не обусловленное*. Субстанція есть реальность, не имѣющая *никакого инобытія* и потому всецѣло *обращенная на себя* и опредѣляющая себя самостоятельно. *Центростремительная самодѣятельность и самостоятельность, творческое одиночество*—вотъ основной признакъ субстанціи. Но именно это и означаетъ, что *свобода* есть сущность субстанціи.

Субстанція свободна, во-первыхъ, въ *отрицательномъ* смыслѣ. Ибо она ничѣмъ инымъ не ограничена и не опредѣлена; она не имѣетъ конца и границы; она есть все и въ этомъ она подобна „безпредѣльному“ Анаксимандра ¹⁾. Она обладаетъ „отрицательной безконечностью“.

Субстанція свободна, во-вторыхъ, въ *положительномъ* смыслѣ. Ибо она есть *творчество*; она есть жизнь, дѣятельность, активность, обращенная всецѣло на себя; то, что она творить, есть не что нибудь „иное“, но она сама. Она есть сама субъектъ и сама свой объектъ; ея „начало“ совпадаетъ съ ея „концомъ“: она есть творческая „положительная“ безконечность.

Итакъ, свобода субстанціи въ томъ, что она есть *творческое самоопредѣленіе*. Въ этой самодѣятельности, обращенная всецѣло на себя, она свободно, на *внутреннихъ* путяхъ и по *внутреннимъ* дѣлямъ, осуществляетъ свою сущность. Ея путь

¹⁾ Срв. Log. I, 148. Епс. I, 14. Епс. Ш, 291.

ведеть ее черезъ *діалектическое распаденіе* и *органическое возсоединеніе* къ сращенному, конкретному богатству опредѣлений. По этому закону и въ этой формѣ осуществляется ея разумная сущность.

Субстанція есть *разумная стихія, стихія мысли*: она есть *діалектически-органически мыслящее себя объективное Понятіе* ¹⁾. Каждый актъ ея есть актъ свободного самоопредѣленія, актъ свободы. Понятіе свободно дѣлитъ свое содержаніе и свободно сращиваетъ его вновъ, обогащаясь. Понятіе есть *смысловой организмъ*, самъ себя творящій мыслью. Именно въ этомъ значеніи оно есть *Божество*: свободный отъ инобытія организмъ мысли, или, что то же, *объективный смыслъ, какъ свободный субъектъ* ²⁾.

Естественно, что свобода, въ качествѣ закона Божественной жизни, является *внутренней необходимостью* для Понятія: Понятію свойственно развиваться по закону *абсолютнаго организма*, который отличается отъ релятивнаго, конечнаго организма именно тѣмъ, что *совсѣмъ не имѣетъ инобытія*. Поэтому свобода Божія можетъ быть адекватно выражена, какъ *абсолютная органичность*.

Понятно, что всякое ограниченіе и умаленіе превращаетъ субстанцію въ *несвободное* начало. Появленіе инобытія, хотя бы созданнаго самимъ Понятіемъ, ставитъ его въ положеніе обусловленное и конечное. Свобода Божія не можетъ быть ни „противопоставлена“ ³⁾ чему-нибудь, ни „обусловлена“ ⁴⁾, ни „ограничена“ ⁵⁾; если это случится, то Понятіе потеряетъ *абсолютность* своей свободы и *абсолютность* своего органическаго развитія. Это значить, что *Божество утратитъ свою свободу*.

И вотъ, Понятіе, достигнувъ въ „Логикѣ начала“ состоянія „абсолютной Идеи“, *свободно отпускаетъ себя въ несвобод-*

1) Срав. Log. III, 318.

2) Срав. Log. II, 243.

3) Diff. 221.

4) Diff. 221.

5) W. Beh. 367.

ное состояніе. Это не значитъ, что оно *совсѣмъ* искажаетъ свою *внутреннюю природу*; нѣтъ, но *способъ его бытія* искажается въ корнѣ. Понятіе утрачиваетъ чистоту и разумность своей атмосферы; „объективное“, пользуясь попущеніемъ, возстаетъ, преодолагаетъ, начинаетъ жить на свой страхъ и празднуетъ начало своей самобытности; „субъективное“ опускается до состоянія слабого, „внутренняго“ мерцанія въ глубинѣ вещей и пріемлетъ до конца послѣдствія своего свободнаго паденія.

Слагается антиномія: съ одной стороны, ограниченная свобода *не* есть свобода, и *несвободная субстанція не есть субстанція*; съ другой стороны, субстанція *не* можетъ перестать быть субстанціей и, слѣдовательно, *ограниченная свобода должна остаться свободою*. Эта антиномія разрѣшается посредствомъ различенія между „отрицательной“ свободой и „положительной“ свободой. Понятіе утратило первую, но сохранило вторую и поставило передъ собою задачу *возстановить первую черезъ раскрытіе и осуществленіе второй*. Въ этомъ краткая схема всей философіи Гегеля.

Итакъ, Понятіе утратило отрицательную свободу: его спекулятивное безсиліе обнаружило воочію, что оно *не есть все*, что оно имѣетъ дѣло съ *инобытіемъ*. Въ подлинной косности чувственной стихіи, въ недвусмысленномъ противодѣйствіи ирраціональнаго начала, въ самобытномъ упорѣ „конкретнаго-эмпирическаго“ Понятіе встрѣтилось съ *инобытіемъ*, облекшимъ его такъ, какъ „внѣшнее“ облекаетъ „внутреннее“. Отсюда его ограниченность, конечность, обусловленность и противопоставленность.

Однако Понятіе сохранило положительную свободу: силу творческаго самоопредѣленія, открывающую передъ нимъ перспективу восхожденія. Эта сила, поскольку она скована съ *инобытіемъ*, не способна даже къ подобію органической жизни на *низшихъ* ступеняхъ міра; но она хранитъ въ себѣ, въ скрытомъ видѣ, всѣ свои высшія способности; она есть *въ потенціи* — организмъ, душа, сознаніе, воля, созерцаніе и мысль. Потенціальное могущество спе-

кулятивной стихіи выражается въ томъ, что она продолжаетъ въ мірѣ свою діалектически-органическую „спекулятивную метаморфозу“ самообогащенія, *несмотря* на бремя инобытія, и притомъ постольку, *поскольку* ей удается возобладать надъ неразумной самобытностью „врага“. Это спекулятивная метаморфоза и превращаетъ міръ въ творческое самоосвобожденіе, совершаемое Божествомъ.

Все это означаетъ, что *въ мірѣ субстанція не свободна, но сохраняетъ силу для того, чтобы освободить себя*. Это и не можетъ быть иначе, потому что субстанція — *духовна*, а духъ есть не что иное, какъ „абсолютная свобода“. ¹⁾ И если онъ повергаетъ себя въ ограниченное состояніе, то именно ради высшаго самоосвобожденія. Поэтому „несвобода въ мірѣ“ есть только проявленіе глубочайшей свободы Божества, той свободы, которая *не страшится* „несвободнаго“ состоянія, но *пріемлетъ* его и изживаетъ, *утверждая этимъ глубину своей свободы и пріобрѣтая въ этомъ высшую полноту освобожденія*.

Это можно выразить такъ, что *свобода есть процессъ въ Божествѣ*. Каждый образъ міра *уже свободенъ и все еще не свободенъ*; онъ есть бóльшая свобода по сравненію съ низшей ступеню и мѣньшая свобода по сравненію съ высшей ступеню. Каждый образъ міра, взятый статически, самъ по себѣ, — не имѣетъ абсолютной свободы; но въ ряду міровыхъ образовъ онъ есть *становящаяся* абсолютная свобода. Весь рядъ міровыхъ образованій созданъ субстанціей, *возстанавливающей* свое субстанціальное значеніе. Свобода есть какъ бы утраченный и возвращаемый рай; но этотъ рай утраченъ былъ свободно, т.-е. по чисто-внутренней необходимости, и возвращается въ свободномъ же бореніи, т.-е. по внутреннему закону самоопредѣленія и органическаго роста.

Такимъ образомъ *всѣ „образы дѣйствительности“, не говоря уже о „явленіяхъ“, лишены спекулятивной свободы и являютъ только борьбу Понятія за самоосвобожденіе*.

¹⁾ Phän. 442. Срв. Enc. III, 427. Ph. G, 20, 21.

Этимъ и опредѣляется *смыслъ человѣческой жизни*. Каждое отдѣльное состояніе человѣка, взятое само по себѣ, есть обломокъ дѣйствительности, представляющій изъ себя болѣе или менѣе высокій „міровой образъ“. Высота этого образа опредѣляется тою *степенью освобожденности*, которая въ немъ обнаруживается, или, вѣрнѣе, которую духъ осуществляетъ въ себѣ и собою.

Смыслъ человѣческой жизни въ *свободѣ* и *самоосвобожденіи*. Понятно, что этотъ смыслъ жизни не слѣдуетъ представлять себѣ, какъ нѣкое вѣншее заданіе, или норму, или неосуществимый идеаль. Свободу можно дѣйствительно разсматривать, какъ идеаль, но какъ уже реальный и *еще реализующійся* идеаль. *Свобода есть потенциально-совершенная сила, творящая актуальное раскрытіе своего совершенства*.

Это можно выразить такъ, что *смыслъ человѣческой жизни* скрытъ въ глубинѣ человѣческаго духа, какъ *реальное духовное начало, работающее надъ своимъ осуществленіемъ*. То, что „задано“ человѣку, то, что составляетъ его назначеніе и предначертаніе, — „задано“ ему его истинною, внутреннею сущностью, „предначертано“ ему его подлинною, духовною природою. Ему „задано“ самоосвобожденіе; но не въ томъ смыслѣ, что „сущность“ его погрязаетъ въ несвободѣ, а въ томъ смыслѣ, что реальная сущность его и есть не что иное, какъ самоосвобождающаяся сила. Ему „предначертана“ абсолютная свобода; и это слѣдуетъ понимать такъ, что *его истинное духовное существо* есть не что иное, какъ *сама субстанція, сама абсолютная свобода*, возстановляющая себя въ творческомъ бореніи.

Здѣсь, какъ нигдѣ, Гегель можетъ и долженъ быть понять изъ глубины ученія Фихте Старшаго. По Гегелю, духъ, творящій свое освобожденіе въ человѣкѣ, подобенъ тому „абсолютному Я“, которое по ученію Фихте силою своею гарантируетъ „относительному, малому я“ человѣка—побѣду надъ „не-я“, надъ инобытіемъ. Назначеніе человѣка Гегель видитъ вмѣстѣ съ Фихте въ творческомъ отождествленіи себя со своимъ абсолютнымъ духовнымъ

средоточіемъ (субстанціей) и въ восхожденіи къ абсолютной свободѣ. Фихте не сразу отрѣшается отъ антропоцентрическаго пониманія субстанціи; онъ говоритъ о свободѣ, какъ безконечно-осуществляемомъ идеалѣ; онъ не знаетъ исчерпывающаго спекулятивнаго ряда образовъ, ученія о верховенствѣ мыслящаго себя Понятія и о діалектически-органическомъ восхожденіи къ конкретному богатству. Но *онтологическій корень* человѣческаго существа Фихте и Гегель понимаютъ одинаково, какъ *духовное самоосвобожденіе*.

Итакъ, смыслъ человѣческой жизни скрытъ, по Гегелю, въ собственной реальной глубинѣ души. То, что творитъ себя, есть субстанція, т.-е. въ потенціи абсолютная свобода; то, какъ она творитъ себя, есть органическое самоутвержденіе, т.-е. свободное творчество; то, къ чему она восходитъ, есть актуальное бытіе абсолютной свободы, т.-е. жизнь не скованнаго инобытіемъ *объективную смысла* (Понятія). И, если принять во вниманіе, что субстанція, творящая свою свободу, есть не что иное, какъ само Понятіе, то можно сказать, что *Понятіе есть смыслъ человѣческой жизни*. Высшее достиженіе человѣка, смыслъ его жизни въ томъ, чтобы зажить жизнью божественнаго Смысла; и тогда, когда это достигнуто, человѣкъ убѣждается, что именно Смыслъ есть смыслъ его существованія ¹⁾.

Человѣкъ живетъ для того, что въ немъ живетъ; и онъ живетъ *тою силою, для которой онъ живетъ*. Это означаетъ, что творческая основа его жизни есть сама высшая цѣль его бытія; или, иначе: цѣль человѣческаго бытія осуществляетъ себя сама въ его жизни. *Causa efficiens* совпадаетъ съ *causa finalis*; *ultima ratio* есть не что иное, какъ *primum movens*. *Абсолютное освобождаетъ себя въ процессъ душевной и духовной жизни человека*.

Этотъ процессъ распадается на цѣлый рядъ ступеней и, въ общихъ чертахъ, воспроизводитъ слѣдующую схему.

¹⁾ Гегель самъ даетъ такое истолкованіе свободы, напр., *Enc. III. 374, 355, 292. (Z)*.

„Внутреннее“ наталкивается на что-то „внѣшнее“, извнѣ данное, какъ бы навязанное ему и, съ виду, „чуждое“: на нѣкое „инобытіе“. Это инобытіе имѣетъ видимую самостоятельность и ограничиваетъ „нашедшую“ его внутреннюю силу. Однако *на самомъ дѣлѣ* (an sich) ¹⁾ это „инобытіе“ совсѣмъ не чуждо внутреннему, освобождающемуся началу, но представляетъ изъ себя *объективное видоизмѣненіе* той абсолютной Идеи, по отношенію къ которой „внутреннее“ является *субъективнымъ видоизмѣненіемъ*. Объективное и субъективное, или, что то же, „предметъ“ и „самость“, „явленіе“ и „сущность“, „другое“ и „субъектъ“, „внѣшнее“ и „внутреннее“ ²⁾ — суть модусы единой сущности, хотя и не равноправные модусы. Однако „субъектъ“ еще не знаетъ этого — ни объ объектѣ, ни о себѣ; объектъ также не знаетъ этого — ни о себѣ, ни о субъектѣ. Поэтому истинная природа объекта остается *скрытой*; ея разумный корень не осознанъ самимъ собою; онъ разуменъ только „самъ по себѣ“ (nur an sich) ³⁾, но не „для себя“ (für sich). Онъ какъ бы томится въ плѣну собственнаго неразумія. „Субъектъ“, нашедшій его, стоитъ также въ заблужденіи; но „мы“, философствующіе о „субъектѣ“ и „объектѣ“, знаемъ истинное положеніе дѣлъ и не вдаемся въ обманъ: для насъ (an sich oder für uns) ⁴⁾ объектъ сохраняетъ свою скрытую „объективную“ разумность за видимостью инобытія. И вотъ, „освобожденіе“ состоитъ въ томъ, что эта видимая намъ истина должна разоблачиться: то, что обстоитъ „само по себѣ“, должно стать обстоящимъ и „для себя“ такъ, чтобы истинная сущность вещей явилась *осознанной субъектомъ*,

¹⁾ Таково *первое* значеніе этого термина, столь часто употребляемаго Гегелемъ: „an sich“ значитъ „на самомъ дѣлѣ“, „въ сущности“, „подлинно“. Это значеніе сохранилось отъ Канта.

²⁾ Въ Философіи Духа, а иногда и въ другихъ сочиненіяхъ, Гегель нерѣдко пользуется этими терминами promiscue.

³⁾ Таково *второе* значеніе этого термина: „an sich“ значитъ „непосредственно“, „неосознанно“, „не раскрыто для познанія“.

⁴⁾ Таково *третье* значеніе этого термина: „an sich“ значитъ „согласно очевидной для насъ сущности вещей“, или просто — „для насъ“.

адекватно имъ познанной. „Сущее само по себѣ“ станетъ „сущимъ для себя“ и откроется выходъ въ послѣднюю сферу „сущую по-себѣ-и-для-себя“ (an und für sich): въ сферу спекулятивную тождества субъекта и объекта, разума и свободы.

Это сближеніе между субъектомъ и объектомъ слѣдуетъ представить себѣ съ полной отчетливостью, ибо въ немъ сущность освобожденія.

„Освободить“ себя значить обновить условія своего бытія такъ, чтобы изъ нихъ исчезло всякое инобытіе. Однако „исчезновеніе“ всего „иного“ недостижимо ни на пути ослѣпленнаго отрицанія, ни на пути безслѣднаго уничтоженія. Освобожденіе мыслимо только такъ: инобытіе *пріемлется*, какъ инобытіе, затѣмъ *усваивается* и наконецъ *разоблачается*, какъ мнимое инобытіе. Разумъ побѣждаетъ неразумную видимость объекта.

Итакъ, субъектъ „пріемлетъ“ инобытіе, не отрекаясь отъ него и не насилуя его ¹⁾; онъ беретъ его въ томъ видѣ, въ какомъ онъ его „находитъ“ или „получаетъ“, но беретъ съ тѣмъ, „чтобы противопоставить“ его себѣ и затѣмъ „свести его къ опосредствованному единству съ собою“ ²⁾. Такъ „душа“ пріемлетъ свое „тѣло“, „внѣшнія вещи“, свои собственныя безсознательныя „влеченія“, „бытіе другихъ людей“, „хозяйство“ и т. д. Она противопоставляетъ себѣ все это („по очереди“, на разныхъ ступеняхъ восхожденія), какъ нѣчто чуждое, ограничивающее, какъ „предѣлъ“ ³⁾, и вступаетъ съ этимъ предѣломъ въ борьбу ради преодоленія ⁴⁾.

Субъектъ предоставляетъ объекту вступить въ свою сферу; онъ ставитъ себя *какъ бы* въ пассивное положеніе, *позволяетъ* ограничить себя и опредѣлить, терпитъ воздѣйствіе. Этимъ онъ вводитъ въ себя содержаніе объекта, вработы-

1) Срв. осужденіе „Entsagung“ и „Gewaltsamkeit“. Enc. III. 231; срв. 236 Z.). 237 (Z.).

2) Enc. III. 236 (Z.).

3) „Schranke“ Enc. III. 150. 293 (Z.).

4) „Ringen“ „überwinden“. Enc. III. 293 (Z.).

васть его, вбираетъ его ¹⁾ въ себя и усвоиваетъ его ²⁾. Субъектъ переводитъ данное ему предметное содержаніе на гибкій и могучій языкъ своей „идеальной природы“; онъ „идеализируетъ“ его ³⁾, т.-е. отрицаетъ ⁴⁾ его самобытную реальность ⁵⁾ съ тѣмъ, чтобы сохранить его мощь и его богатство на высшей ступени ⁶⁾. Благодаря этому онъ овладѣваетъ ⁷⁾ имъ и подчиняетъ его себѣ въ качествѣ „момента“ ⁸⁾.

Этому пріятію объекта и введенію его въ себя соотвѣтствуетъ творческое проникновеніе субъекта въ предметъ. Духъ не только обогащается содержаніемъ „тѣла“, „внѣшнихъ вещей“, „хозяйства и т. д., но самъ, реально обращается къ нимъ и преобразуетъ ⁹⁾ ихъ существованіе. Субъектъ завладѣваетъ *самимъ объектомъ* ¹⁰⁾, дѣлаетъ его своею собственностью ¹¹⁾, потребляетъ его ¹²⁾. Онъ осиливаетъ его, покоряетъ его себѣ ¹³⁾ и заставляетъ его терпѣть *свое* вліяніе и нести *свою* власть ¹⁴⁾. Мало того, духъ превращаетъ объектъ въ свое „податливое и приспособленное орудіе“ ¹⁵⁾, въ свой „инструментъ“ ¹⁶⁾. Онъ добивается того, чтобы объектъ сталъ для него „вполнѣ проходимымъ“ ¹⁷⁾, „текучимъ“ ¹⁸⁾; чтобы онъ не оказывалъ сопротивленія ¹⁹⁾ его свободному

¹⁾ Срв. о „Sich einbilden“ объекта Enc. III. 230.

²⁾ Срв. Enc. III. 230. 322 (Z).

³⁾ См. Enc. III. 149. 199. 232.

⁴⁾ Срв. Enc. III. 24. 47. 231. 234. (Z). 251. (Z). 273. 294—295. 295 (Z). 371—372.

⁵⁾ Enc. III. 150.

⁶⁾ Enc. III. 149.

⁷⁾ Срв. „in Besitz haben“. Enc. III. 229.

⁸⁾ „als Moment unterordnen“ Enc. III. 231.

⁹⁾ „umgestalten“. Enc. III. 237. (Z). 248 (Z).

¹⁰⁾ Срв. Enc. III. 237 (Z).

¹¹⁾ Enc. III. 232.

¹²⁾ „austzehren“. Enc. III. 273.

¹³⁾ „unterwerfen“. Enc. III. 231.

¹⁴⁾ Срв. Enc. III. 26 (Z) 61 (Z). 62 (Z). 288. 333. 350.

¹⁵⁾ „gefüdiges und geschicktes Werkzeug“. Enc. III. 237 (Z).

¹⁶⁾ Enc. III. 232.

¹⁷⁾ „durchgängig“. Enc. III. 232.

¹⁸⁾ „flüssig“. Enc. III. 232.

¹⁹⁾ „widerstandslos“. Enc. III. 232; „ungehindert“. Enc. III. 232.